

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

звездный тандем российского детектива

ЛАВКА ЗАБЫТЫХ ВЕЩЕЙ

• АВТОБИОГРАФИЯ •

Известное имя
Новая тема
Новый жанр

ISBN 978-5-699-63217-6

9 785699 632176

Сергей Литвинов

Лавка забытых вещей.
Автобиография

«ЭКСМО»

2013

Литвинов С. В.

Лавка забытых вещей. Автобиография / С. В. Литвинов —
«Эксмо», 2013

Это – сольный проект известнейшего автора детективных романов. Это – самая необычная автобиография на свете. Это жизнь – увиденная через призму вещей. Тех, которые были частью прошлой жизни и которых теперь просто не существует. Пионерский галстук; ключи на бечевке; эмблемы стройотрядов; катушечный магнитофон... Эти и другие артефакты ушедшей эпохи становятся для автора не только объектом ностальгии, но поводом, чтобы рассказать связанные с ними истории: веселые, печальные, криминальные, мистические... Главное – не выдуманные и порой более правдивые, чем сама жизнь.

© Литвинов С. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	5
Разрушка	7
Пианино с канделябрами	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Литвинов

Лавка забытых вещей. Автобиография

Нашим родителям – Екатерине Игоревне Литвиновой и Виталию Яковлевичу Жила

Предисловие

Оглядевшись вокруг, я с удивлением обнаружил, что многие вещи, окружавшие меня с детства, исчезли.

Их заменили совсем другие.

А чаще даже и не заменили совсем. Места, которые они занимали, остались пустыми.

Что я имею в виду?

Вот, допустим, пионерский галстук. Где он? Ау?

Исчез. Растворился. Остался только в памяти, на фотографических снимках, на груди далеких пионеров братской Кубы – родненькие!

Или взять стеклянные бутылки для молока (с жестяными крышечками на макушках).

Или пакеты для того же молока – но в виде пирамидки.

А еще, скажем, авоська.

Пятикопеечная монета (пятак).

Бумажная советская трешка, пятерка, десятка или двадцать пять рублей.

И – счета (а также логарифмическая линейка и таблицы Брадиса). А еще весы чашечные, с гирьками.

И, конечно, партбилет. И – билет комсомольский. И октябрятская звездочка.

Кое-что, правда, из исчезнувшего советского вновь появляется. Однако это, скорее, макеты. Муляжи. Например, автоматы для газированной воды. Их специально ностальгическими делают. Копируют дизайн прежних. Но раньше мы пили из граненых стаканов. Мыли их самостоятельно. За три копейки – воду с сиропом, за одну – без. И очень странно платить за газированную воду сорок рублей банкнотами вместо трех копеек.

Или, к примеру, диспенсеры (стеклянные конусы для продажи соков): их кто-то взялся продвигать, делать элементами гламура. Но те, изначальные, наши коренные, почвенные диспенсеры – они-то исчезли!

И таких потерянных вещей (я с недавних пор начал собирать их), я насчитал уже как минимум пять десятков.

И каждый предмет имеет свою историю. И – заслуживает своей истории.

А раздел книги, который вы читаете в данный момент? То есть – предисловие?

В советские времена предисловие являлось важной составной частью практически любой книги. Редкий талмуд осмеливались выпустить без введения, в котором пояснялось, зачем автор взялся написать, а издательство – опубликовать данное произведение. В иных предисловиях книгу и ее автора объясняли, в других – критиковали, в третьих – поднимали на щит. Маститый писатель рекомендовал письменника начинающего; видный критик истолковывал заблуждения в целом прогрессивного, но мятущегося заграничного современника (вроде Хемингуэя, Ремарка или Камю); марксист-ленинец (рангом не ниже доктора наук) объяснял ошибки и заблуждения почившего патриарха.

Хорошая штука – предисловие. Все тебе разжуют, настроят на нужный лад. А сколько полезного было в них для школьных сочинений! Мы прямо оттуда передували формулировки себе в тетради, в лучшем случае с минимальными правками.

Теперь – все не то. Книжки издает кто хочет и как хочет. Никакого учета и контроля. И никто ничего не боится. И ничего никому из читателей не объясняет. Иной бы книгочей и рад, чтобы ему что-то разъяснили, а нет – бери и кушай голяком, безо всяких оберток, справок и приправ.

Поэтому в данной книге предисловие – это, скорее, памятник жанру, чем собственно предисловие.

Но раз уж оно есть, пусть будет этот «отдел литературного или научного произведения, содержащий предварительные разъяснения и замечания». (Толковый словарь Ушакова.)

Скажу исключительно в порядке предварительных разъяснений и замечаний, что книга эта хоть и посвящена на первый взгляд вещам – да еще исчезнувшим! – но на самом деле повествует, конечно, о людях.

Обо мне – мальчике, подростке и юноше, настолько далеко от меня нынешнего, что, кажется, он и не я был вовсе. О моих родителях, бабушках и дедушках. О моей сестренке. И конечно, о друзьях. Об одноклассниках, учителях и просто встречаемых.

Словом, о былых временах. О детстве, отрочестве, юности.

В конце концов, все, что с тобой происходит, когда ты ребенок или подросток, случается впервые. Поэтому ты особенно остро воспринимаешь все чувства: радость, горечь, дружбу, любовь, достижение, открытие.

Все, что бывает потом, это простое повторение.

Разрушка

Сейчас довольно трудно представить, но, когда я был маленьким, в советских городах и поселках еще встречались руины военных времен. Не специально оставленные в наизидание потомкам развалины – как не тронут разбомбленный американцами квартал в Дрездене, или до сих пор зияет здание элеватора в Новороссийске. Нет, в моем детстве останки домов торчали потому, что просто руки не дошли снести, убрать, возвести на их месте что-то новое. Шутка ли, со времен Великой Отечественной войны минуло тогда всего пятнадцать-двадцать лет. А сразу после сорок пятого в руинах пребывала вся некогда оккупированная фашистами территория, от Сталинграда до Бреста. Все надо было восстанавливать. Естественно, до чего-то не доходили руки.

Примерно как сегодня – до сих пор ведь встречаются недостроенные здания, что начинали возводить в последние годы советской власти, да забросили. А ведь уже двадцать лет прошло со времен, как власти этой не стало.

В месте, где я жил мальчиком, тоже имелись военные руины. Мы, дети, их называли «разрушкой».

Я всматриваюсь в то далекое прошлое и пытаюсь увидеть себя. Кажется, ничего во мне от него не осталось. Большеголовый мальчик с выгоревшими на солнце волосами и удивленными глазами. У него даже фамилия была не такая, как у меня сейчас, не Литвинов. В детстве я носил фамилию по отцу: Сергей Жила. Как Жила я просуществовал довольно долго, вплоть до окончания школы – когда мама с согласия и одобрения папы для улучшения благозвучности сменила имя троим из нас: себе, мне и моей младшей сестренке Ане (будущей писательнице и моему соавтору).

К слову сказать, в раннем детстве я нисколько не комплексовал по поводу того, что фамилия моя скорее на кличку похожа. Жила и Жила, подумаешь. Никто вокруг даже не смеялся. А пацаны во дворе называли меня Жиликом или Жилкиным. Они, представьте, не фамилию мою переделывали в обидную кличку (что часто у детей бывает). Мальчишки, наоборот, мое родовое имя, звучавшее изначально, как оскорбление, преобразовывали в нечто пристойное.

Дети вообще существа жестокие, но справедливые. Кого-то они прозвищами унижают: Воронова, к примеру, нарекают Вороной – и случается, уместно. Но иных, напротив, возвеличивают. Из того, что звали меня в Авиагородке скорее ласкательно, чем обидно, можно заключить, что ребята дворовые меня любили.

Я же считал, что у меня нормальная украинская фамилия. Даже гордился, что она столь необычна, не чета всяким Петровым и Сергеевым. И вообще фамилия никакого значения не имела, полагал я, потому что мы живем в великом и справедливом Советском Союзе, где равны все нации и народности.

Географически мы проживали на юге СССР: от Украинской ССР в паре сотен километров и от Северного Кавказа в пятистах. Здесь исторически сложилось, что множество самых разных народов в одном котле варилось. Со мной в одном доме жил, к примеру, мальчик по фамилии Бреус. А в классе учился другой: Коля Евстафиади. Не говоря уж об огромном количестве Иваненко, Андрищенко, Матвиенко, которых в общей массе вокруг было больше, чем Ивановых, Матвеевых и Андреевых.

Итак, меня зовут Сережа Жила, я проживаю с мамой и папой неподалеку от города Ростова-на-Дону в военном городке за бетонным забором, который называется Авиагородок. И мой почтовый адрес (свое местожительство должны были знать все дети) звучит так: Авиагородок, ДОС номер пятнадцать, квартира девятнадцать. Улиц у нас в Авиагородке не было. И ДОС в адресе это не ошибка. Именно не дом, а ДОС, что означало: «дом офицерского состава». Были и другие ДОСы. Помню, например, длинный полутемный коридор. И по обе его стороны

– двери. И пахнет керосином. Это тоже ДОС, соседний, только там квартиры коммунальные. Мы раньше тоже жили в нем, но потом воинская часть дала нам квартиру отдельную.

Вообще все, что было связано с армией: часть, командование, погоны, звездочки – пользовалось у нас, пацанов, огромной популярностью. Помню спор двух мальчишек – не скажу точно, но, возможно, одним из них был я:

- А я тебя – старше!
- Ха! А я вообще старшина!
- Старшина! Подумаешь! Я лейтенант!
- Лейтенант? Пфу! А я майор!
- А я – полковник!
- А я – генерал!
- Что твой генерал?! Я – маршал!
- А я! Я!.. Я – маршал Малиновский!¹

После этого крыть уже было нечем, лезть выше некуда: маршал Малиновский в ту пору был министром обороны СССР. Но я тогда, помнится, воспринимал «Малиновский» не как фамилию, а как продолжение звания: *маршал-малиновский*. То есть как бы старший маршал. Или самый главный Маршал Советского Союза.

У всех пацанов, кто бы ни жил вокруг, отцы были офицерами. И я тоже гордился, что мой папа военный и ходит в летчицкой форме, и в петлицах у него крылышки, а у фуражки голубой околыш. Точно такая же форма у советских космонавтов – но папа, к сожалению, не космонавт и даже не летчик. Он служит в воинской части при аэродроме. А мама – работает инженером на заводе. Так нам, детям, все родители говорили. Так мы должны были рапортовать в школе и рассказывать посторонним.

Только лет через тридцать я узнал, что папина «воинская часть при аэродроме» и мамин завод были одним и тем же предприятием: почтовым ящиком номер такой-то, жутко секретным заводом по ремонту жутко секретных ракет. Их, оказывается, привозили на то предприятие в Авиагородке ночью, под покровом тьмы, на специально замаскированных платформах. Разгружали, в цеху номер один чинили, а потом, тоже в темноте, увозили.

Хоть мы, мальчишки, о секретных занятиях наших родителей знать не знали, имелось ощущение, что они, а значит, и мы находимся, как говорилось тогда по радио и писалось в газетах, «на переднем крае». Это чувство было разлито в воздухе. Недаром же наши отцы ходили точно в такой же форме, как Юрий Гагарин, Герман Титов или Алексей Леонов. А городок назывался авиа-, и около него, кроме секретного завода, и впрямь находился аэродром.

Однажды я увязался туда за пацанами постарше.

Мы притаились за деревьями на пригорке и наблюдали, как совсем рядом с нами, за бетонным забором с колючей проволокой поверху, взлетают небольшие реактивные самолеты. У них настоящее пламя из сопла выбивалось! И еще мне нравилось, что за стеклянным фонарем кабины виднелись головы летчиков в черных шапках-шлемофонах.

Теперь я знаю, что аэродром тот был учебный, а самолеты назывались «МиГ-15». Странно, я не помню грохота – зато очень хорошо помню красные звезды на крыльях и хвостах аэропланов стального цвета.

О том своем походе на аэродром я родителям так и не рассказал. По-моему, они до сих пор об этом не знают.

Гулять меня отпускали в авиагородке одного без взрослых с незапамятного времени и куда хочешь. Я даже еще школьником не был, как стал один выходить во двор. Не было ника-

¹ Родион Яковлевич Малиновский (10 (22) ноября 1898, Одесса – 31 марта 1967, Москва) – советский военачальник и государственный деятель. Полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза, с 1957 по 1967 год – министр обороны СССР.

ких запретов и ограничений: туда не ходить, сюда не лазить. Свобода, что давалась детям, объяснялась, как я сейчас понимаю, кумулятивным воздействием на моих родителей двух взятых вместе факторов: во-первых, советской власти, при которой слухом не слыхивали ни о каких маньяках и преступлениях, особенно против детей. Не потому, конечно, что их вовсе не было. Они, как мы знаем теперь, случались – но, во-первых, значительно реже, чем нынче, а во-вторых, о них никто не говорил и не писал, и казалось, что их и вовсе не существует. Кроме того, сказывалась атмосфера военного городка, где проживали только свои. Все дети гуляли в одиночку, без родителей и нянек – все равно мы не смогли бы уйти дальше бетонного забора и проходной.

Поэтому не могу вспомнить, как получилось – возможно, мы нашли-таки способ убежать из городка, но однажды мы с мальчишками удрали в поля.

И вот перед нами расстелилась степь. И вся она оказалась покрыта цветущими тюльпанами. Их были тысячи. В основном красные. (Но имелись и один-два желтых.) Тюльпанов было огромное, несчетное (как мы, дети, тогда говорили) количество. И я стою перед ними – пораженный. Во-первых, конечно, пришиблен их красотой. А во-вторых – странностью ситуации. Ее парадоксальностью (хотя, разумеется, я этого слова тогда не ведал).

Я ведь знаю, что тюльпаны – это товар. Их продают за деньги: бабульки на ростовском базаре, торговки на станции Батайск. А тут их – сколько хочешь. Бесплатно. И они никому не принадлежат. Рви, сколько влезет.

Но рвать-то как раз нельзя. Потому что сорвешь, принесешь маме – соблазнительно, конечно, ее порадовать. Но она спросит: где взял? И придется тогда врать. А правду сказать – родители не обрадуются. Чувствовал я, что непозволительно далеко от дома мы с пацанами забрались.

Так и не признался, что побывал в тюльпановых лугах. А теперь и не вспомнишь даже с помощью гугл-карт, где эта красота рядом с Авиагородком находилась.

Зато в другом своем подвиге я родителям повинился. Точнее, я-то шел к ним, напротив, похвастаться.

Речь шла о разрушке, что находилась неподалеку от нашего дома. Я пришел домой и сказал маме: «А ты знаешь, что я среди наших мальчишек самый смелый?»

– Ух ты, – ответила она, – и как же вы это определили?

– А на разрушке все пацаны лазили только по первому этажу, а я поднялся на второй! – гордо заявил я. – Один! Никто больше не смог!

Это и впрямь было непросто, как сейчас помню. Лестницы, даже разрушенной, в руинах не осталось. На второй этаж вела наклонная бетонная балка. Она, как и сохранившиеся стены, вся была в щербинах и оспинах от былых пуль и осколков. Это придавало путешествию по балке дополнительную прелесть. Можно было вообразить, что тебя обстреливают фашисты – а ты, невзирая на вражеский огонь, ползешь на второй этаж передать важное сообщение в штаб. Да, пройти по бетонной плите, лежавшей под углом, с каждым шагом оказываясь все выше от пола, усыпанного щебнем и битым кирпичом, было жутковато, страшно – но очень заманчиво. И я прополз по ней и прошел! Единственный из всех мальчишек! А потом – благополучно спустился вниз.

Но мама отчего-то не разделила восхищения моей смелостью. Напротив, как я почувствовал, слегка испугалась.

– Ты ходил на разрушку? – переспросила она меня изменившимся голосом.

– Да.

– И лазил даже на второй этаж?

– Ну... Да...

– Да как же ты мог?! – воскликнула она. – Это так опасно! Там же все на живую нитку. Извини меня, на соплях!

Всякий раз, когда моя мама (вслед за бабушкой) употребляла хотя бы отчасти бранное или просторечное слово, она непременно извинялась. Даже когда пребывала, как тогда говорили, «в растрепанных чувствах».

– Да ведь разрушка эта в любой момент может развалиться, – продолжала она, – и вас завалит! Насмерть! И не найдут потом! А ты еще по ней лазил, додумался! Ну и сверзился бы с верхотуры! Нет, Сереженька, пожалуйста, обещай мне, что ты никогда больше не будешь туда лазить. И мальчишкам скажи, чтобы не ходили! Это же так опасно! Обещай, Сереженька!

Что ж! Я пообещал маме. И больше, впрямь, ни разу на разрушке не был.

Кажется, не был. Во всяком случае, я не помню.

А что стало теперь с той самой разрушкой в Авиагородке, не ведаю. Наверное, в конце концов ее, как и все подобные руины, снесли. И может, даже возвели на их месте нечто новое.

Пианино с канделябрами

Если руины с прошлой войны ныне исчезли совершенно, то следующий объект полностью канул лишь из моей собственной жизни (и слава богу!) Их давно уже не делают, едва ли не сто лет. И свой век доживают последние из оставшихся. Один из них, например, находится в музее-квартире Булгакова на Садовой. Кое-что представлено в антикварных магазинах. Или продается с рук. Даже странно, что когда-то в детстве я был хозяином столь старинной и ценной вещи, настоящей фамильной реликвии. Да с историей!

А я еще столь мало сие изделие ценил. Даже, скорее, ненавидел.

Конечно, это было не моей идеей. Это придумали родители. А еще точнее – мама. Или даже, скорее, моя бабушка (по маминной линии), Татьяна Дмитриевна Литвинова. Или, может, ее мама и моя прабабушка Ксения Илларионовна Дьячкова (в девичестве Савичева).

Короче, в один прекрасный день старшие решили учить меня музыке.

Старинный инструмент в тот момент пребывал в квартире бабушки в Новороссийске. Достался он нам от пратетки (а как еще назвать родную сестру прабабушки?) На нем когда-то училась музицировать моя мама. А само пианино было старинным, дореволюционным, с латунными подсвечниками, благородно посверкивающими латунными педалями, белыми, слоновой кости, клавишами, слегка пожелтевшими от времени. И с золотом выгравированным на крышке названием фирмы-производителя. Что была за фирма, я, конечно, не помню. Да и никто из семьи не помнит: ни мама, ни тем более папа. Но почему-то мне хочется, чтобы то был «Рёниш». Ну, о'кей, пусть будет «Рёниш».

Тогда, в шестидесятые годы двадцатого века, никакая старина не ценилась. Подумаешь, пианино с подсвечниками! Кому нужны канделябры? Анахронизм! Барахло! Что ими освещать, не смешите? Какие ноты? Кругом поголовная электрификация!

И вот в один из дней пианино «Рёниш» с канделябрами было вывезено из новороссийской квартиры бабушки, загружено в контейнер – и вскорости воцарилось в нашем ДОСе в Авиагородке.

Потом, когда я вырос, я не раз спрашивал и маму, и бабушку: почему им вообще пришла в голову идея учить меня музыке? Ведь я не выказывал никакого к ней ни желания, ни способностей. Наиболее развернутый ответ я получил от бабушки, Татьяны Дмитриевны:

– Но ведь умение музицировать настолько важно для современного молодого человека из интеллигентной семьи! Представляешь, ты приходишь в незнакомую компанию, там стоит пианино или рояль, и ты садишься к нему и начинаешь наигрывать пьеску или популярные мелодии!

Я (в ту пору, когда задавал вопрос, уже студент-оболтус) чуть не прыснул. Как-то не доводилось мне за время посещений разнообразных молодежных компаний видеть пианино или, тем паче, рояль. А даже если вдруг и приходилось, никому из гостей не вступало в голову сесть за инструмент и что-то наиграть. На девушек старались произвести внимание иными, более простыми средствами. И если уж вооружались для того музыкальными инструментами, то разве что гитарой.

Однако я и в восемнадцать лет не стал раскрывать бабушке глаза на трагическое непонимание ею (что характерно для интеллигенции) нужд и чаяний простого народа (к которому я относил и себя).

Вернемся в год одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмой, когда в нашей квартире в Авиагородке воцарилось бабушкино пианино.

Вскоре вслед за пианино в доме стала появляться девушка – моя учительница. Странно, но я до сих пор воспринимаю ее как девушку, и понимаю, что она была молодая и хорошенькая. В то время как свою первую учительницу я атрибутировал тогда как взрослую строгую тетю (в

то время как она была, в общем, тоже молоденькой – но об этом позже). Может, музыкантша и впрямь была совсем юна – а может, совместилась впоследствии в моем маленьком мозгу с образом Наталии Варлей из фильма «Кавказская пленница» (потом расскажу, почему такая аберрация могла случиться).

Итак, девушка-музыкалка (ее имени-отчества память не сохранила) однажды явилась давать мне уроки. Когда родители оставили нас одних в комнате рядом с фортепиано, учительница деловито открыла крышку и с бодрой фальшью сказала мне:

– Сейчас мы с тобой немного поиграем в одну игру. – И объяснила условия: – Я буду нажимать клавишу, а ты будешь этот звук петь, – и показала как: стукнула по клавише, разнеслась нота, она его подхватила чистым голосочком: «Ляя!»

Честно говоря, я был в недоумении от предложенного задания и оттого надулся. Мне оно казалось невыполнимым. Я знал, что на фортепьяно играют по нотам, то есть по нужным клавишам бить полагалось в соответствии с закорючками на линейках. И суть музыки и ее успех заключались, по моему тогдашнему убеждению, в том, чтобы как можно более точно воспроизводить на пианино нотную запись, а потом, посредством многочисленных тренировок, добиться, наконец, умения играть наизусть – так же, как наизусть читают выученные стихи. Учительница же требовала от меня нечто удивительное: петь то, что нигде не записано.

– Ну, давай попробуем, – подбодрила меня дева. Утопила ноту, подпела ей: «до!» – и выжидательно посмотрела на меня. Я молчал. – Ну, давай, Сережа, ничего страшного! – приободрила она еще. – Можно даже ошибиться, двойки никто не поставит! – И она брякнула клавишу «фа», подпела, и я тоже подтянул чужим голосом: «фа», совершенно не попадая в ноту.

– Так, хорошо! – воскликнула девица лживым голосом. – Давай еще! Соль!

– Соль! – на той же ноте промычал я.

– Отлично! – делано восхитилась она. – Теперь «ре»! – Она сама и фортепиано запели в унисон ангельскими голосами, а я подпел им, набычившись, не в склад, не в лад:

– РЕЕЕ!

– Да! – бодро воскликнула учительница. – Не все, конечно, правильно, но... Тем интересней и почетней будет тебя всё-таки чему-то научить!

Вот интересно, думаю я сейчас, неужели они никто – ни мама с бабушкой и прабабушкой, ни учительница – не видели, что у меня элементарно не было слуха (как нет и сейчас)? Впрочем, припоминая, как бабушка приговаривала: «Музыкальный слух, как и все на свете положительные качества, поддается воспитанию». Она вообще верила, как мичуринка, что упорными тренировками можно улучшить все, что угодно. Уверяла, например, что сама исправила себе форму носа долгим самомассажем. И до самых последних дней, проснувшись, поглаживала, лежа в постели, себе крылья носа.

Впрочем, о бабушке (или о булечке, как звали ее все в семье) разговор будет ниже. Сейчас я о пианино с канделябрами.

Начались занятия. Я их воспринял с покорностью. Увы, мне приходилось тогда чистить зубы, мыть лицо, ходить в школу, учить уроки. Вот и еще одна обязанность прибавилась: музицировать.

Замечу, что я делал определенные успехи (насколько может их достичь в музицировании человек, напрочь лишенный слуха). Я научился наигрывать двумя пальцами пьеску: «Ду-ет ве-тер о-зор-ной, ла-ет пес Бу-ян-ка!» Выучил простейшие гаммы и даже стал исполнять их с некоторой скоростью. Наконец, я освоил нотный стан, скрипичный и басовый ключи, познал названия нот, диезы и бемоли, половинные, четвертушки и восьмушки, пиано и форте, стакато и легато.

Как у любого человека, не имеющего таланта, моей любимой частью стала теория. Так бесталанные журналисты становятся крупнейшими теоретиками репортажа.

Наглядной демонстрацией моей музыкальной бездарности стало следующее. В ту пору на экраны страны вышел фильм «Кавказская пленница». Он стал первым взрослым кино в моей жизни, который я просмотрел от начала до конца, не отрываясь.

Больше того, я до сих пор не забыл обстоятельств, сопутствовавших премьере. Это был настоящий семейный поход, с мамой и папой одновременно. Обычно мы ходили в кино на детские фильмы, на утренние сеансы – либо с папой, либо с мамой отдельно. Очень редко, когда выезжали в Ростов, отправлялись в кино втроем – как правило, на детские ленты – например, на замечательный фильм про советских ребят, обезвредивших шпионов, «Акваланги на дне». И совсем уж редко, когда меня не с кем было оставить, мама и папа тащили меня с собой на вечерние сеансы на взрослые фильмы. Почему-то в памяти засело, например, название: «Рукопись, найденная в Сарагосе» – фильм, который я вроде в раннем детстве видел, но совершенно не могу восстановить в памяти.

А кино про кавказскую пленницу впервые понравилось нам троим.

Сейчас утверждают, что идеологию и сам термин *family movie* – фильм для совместного просмотра всеми членами семьи, включая детей – придумали Спилберг с Лукасом. И начали воплощать их в своих «Е.Т. Инопланетянин» и «Звездных войнах». Но мне кажется, что их опередили в конце семидесятых Гайдай и Данелия. Во всяком случае, «Бриллиантовую руку» и «Джентльменов удачи» мы с родителями смотрели вместе и с равным удовольствием – как и «Кавказскую пленницу».

И далеко не только мы. Я хорошо помню огромный (для меня тогдашнего) зал кинотеатра в городе Батайске, весь заполненный людьми.

Не осталось в голове его имени. Наверно, «Родина» или «Победа». Все кинотеатры в районных городах звались тогда «Родина» или «Победа».

Сейчас, чтобы проверить себя, я взялся найти то кино в Интернете. И, представьте, нашел! С теми самыми коринфскими колоннами на фасаде, которые я, оказывается, помнил в течение сорока лет. Он оказался свежееотремонтированным, со своим сайтом, залом «тридэ» и японским кафе в фойе и именовался с заграничным акцентом: «Батайск-Синема». На сайте сообщалось о будущих премьерах, на форуме обсуждались голливудские новинки – вот только ни слова о том, как назывался кинотеатр прежде. Может, не «Победа» и не «Родина», а «Москва»? Или «Слава»? Или даже с изыском и претензией на местную патриотичность – «Дон»? Кто мне теперь расскажет? Да и имеет ли это значение?

Сейчас в кинотеатре «Батайск-Синема» наверняка во всю мощь шуруют кондишены, а тогда от большого количества людей было душно, воздух спертый, и даже немного плохо пахло. Зато смотреть было весело, и смеялись все. И я фильм про кавказскую пленницу почти весь понял, хотя он был взрослым и про любовь. Осталась не ясна лишь пара моментов. Например, зачем Шурик показывает психам в больнице три пальца? И почему он так легко соглашается украсть комсомолку-спортсменку – ясно ведь, что предлагают ему это настоящие жулики? И почему он, когда Варлей похищает, видит в спальном мешке человека, точь-в-точь похожего на самого себя?

И еще мне очень понравился номер Труса-Балбеса-Бывалого с песенкой про султана. Я даже сам пошутил по этому поводу – после фильма. Впервые съюморил в разговоре с мамой и папой. Прочитировал им анекдот из «Крокодила», из раздела «Улыбки разных широт»: «Почему в наше время не принято многоженство? – Никто не вынес бы зрелища ста пар чулок, сушащихся в ванной». Родителям понравилась моя шутка. Мне показалось, что они гордятся мной.

И мне пришлось по вкусу задорная песенка про медведей и земную ось. А зрелище танцующей в узких брючках Наталии Варлей было, пожалуй, первой почти эротической эмоцией в моей жизни.

Сорок лет спустя, когда я встретил артистку Варлей, по-прежнему очаровательную, на приеме, первым моим побуждением было подойти к ней и рассказать об этом, но через секунду я понял, что это будет неловко. «Я мальчиком восхищался вами» – звучит почти как: «Вас очень любила моя бабушка». И я просто издал улыбку актрисе, а моя жена подошла к ней и взяла автограф.

Но вернемся в год шестьдесят седьмой. В очередной раз, когда музыкальная учительница пришла ко мне заниматься, выяснилось, что она тоже посмотрела «Кавказскую пленницу», и ей фильм понравился. Мы обсудили это обстоятельство, что нас, разумеется, сблизило. И вдруг она села к пианино и наиграла и напела приятным девичьим голосом:

Где-то на белом свете
Там, где всегда мороз,
Трутся спиной медведи
О земную ось,
Мимо летят столетия,
Спят подо льдом моря,
Трутся об ось медведи,
Вертится земля.

Честно говоря, я был поражен примерно так же, как если бы с экрана в мою комнатку сошла и запела сама Варлей!

– Откуда вы знаете эту песню?! – потрясенный, пролепетал я.

– Подобрала, – весело пояснила училка. – Услышала в кино и подобрала мелодию.

«Как это? – подумал я. – Ладно, слова она еще могла запомнить и быстро записать, пока шло кино. Но как она узнала музыку?!»

– А где вы взяли ноты?! – пробормотал я. В моем представлении музыка передавалась от человека к человеку исключительно в записанном виде.

– А зачем они мне? – искренне изумилась она. – Я ж говорю: я услышала мелодию, а потом подобрала ее на фоно.

– Как – подобрала?

– По слуху. Услышала, запомнила, а потом сыграла.

Когда я все-таки постиг, что она имеет в виду, училка показалась мне небожительницей. Неужели такое возможно? Не врет ли она? Вот так: услышать и сразу наиграть? А другие песни она может воспроизвести?

И тогда она исполнила мне на моем проклятом пианино другой хит тех времен: «Хмуриться не надо, Лада!»

Честно говоря, этими ее умениями я оказался совершенно подавлен. Нет, наверно, ничего подобного я не достигну, сколько б ни занимался!

После того случая я музицированием стал тяготиться. С учительницей у нас сложились прекрасные отношения, она никогда меня не ругала, а только подбадривала, но бесталанность сказывалась и на моем отношении к занятиям. Музыку я не любил – потому что был к ней не способен.

И когда выяснилось, что в третьем классе мне придется учиться у бабушки с дедушкой в Новороссийске (а пианино останется у родителей в городке), я обрадовался еще и потому, что это означало прекращение музыкальных занятий.

Впрочем, моя мама была (и остается) до чрезвычайности упорной женщиной. И если уж она что-то решила, очень трудно сбить ее с толку. И когда они с папой переехали в новую квартиру в Ростов и к четвертому классу вернули меня к себе, пианино с канделябрами последо-

вало вслед за ними. Надо ж, им хватило упорства ради меня таскать из города в город огромный инструмент!

У меня появилась новая учительница музыки, которую я совершенно не помню. Может, потому что музыкой я уже откровенно тяготился. Каждый раз меня со скандалом усаживали разучивать пьески, зубрить гаммы.

Я даже помню одну свою мечту тех лет – то, что она не уникальная, а, наверное, «все-детская», универсальная, свидетельствует рассказ на аналогичную тему, который я прочитал у Виктора Драгунского.

Мне фантазировалось тогда, что я – вырос. А все мои близкие – мама и папа, бабушка и дедушка, словно в противовес, напротив, – стали маленькими. И вот я хожу и ими помыкаю. Заставляю делать то, что они когда-то заставляли меня – а мне не нравилось. Я принуждаю их есть гоголь-моголь и пить молоко, носить колючий шарф и, главное, заниматься музыкой.

– Ну-ка, домой! – кричал я на них в своих фантазиях. – Хватит по двору носиться! Надо музыкой заниматься! Бездельники!

И мои маленькие родители, бабушка с дедушкой покорно шли играть на фортепьяно.

И когда еще через год отца перевели служить в Москву, пианино за нами не последовало. Его продали – там же, в Ростове. А уроками музыки меня, слава богу, донимать перестали.

Зато отыгрались на моей сестренке Анне. Воистину через детей родители стараются реализовать свои несбывшиеся желания. А *младшие* дети принуждены исправлять те ошибки, что взрослые допустили со *старшими*. То, что меня не доучили до конца музыке, было признано оплошностью, которую требовалось откорректировать.

Поэтому для Ани, которая родилась в Москве, купили новое пианино – лакированное, советское. И уж ей пришлось испить чашу музыки до дна. Моя сестренка проучилась семь лет, закончила музшколу, диплом получила. Даже иногда наигрывала что-то для гостей и компаний (сбылась бабушкина мечта!). Правда, теперь вот уже лет десять к инструменту не подходит.

Но у нее хоть музыкальный слух есть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.